

На правах рукописи

Голубицкий Юрий Александрович

**СОЦИАЛЬНАЯ ПУБЛИЦИСТИКА
(ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЙ ОЧЕРК)
В ПРОЦЕССЕ СТАНОВЛЕНИЯ
РУССКОЙ СОЦИОЛОГИИ**

Специальность 22.00.01 – теория,
методология и история социологии

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
кандидата социологических наук

МОСКВА – 2015

*Диссертационная работа выполнена
в Федеральном государственном бюджетном учреждении науки
«Институт социально-политических исследований
Российской академии наук (ИСПИ РАН)»*

Научный руководитель: член-корреспондент РАН, доктор философских наук,
профессор, советник РАН
Иванов Вилен Николаевич

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор, руководитель
Центра социальной структуры и социального
расслоения Института социологии РАН
Голенкова Зинаида Тихоновна

доктор социологических наук, профессор кафедры
социологии социальной сферы Российского
государственного социального университета (РГСУ)
Кирилина Татьяна Юрьевна

Ведущая организация: Российский университет дружбы народов (РУДН)

Защита состоится «24» июня 2015 г. в 14 часов на заседании Диссертационного совета Д.002.008.03 по социологическим и политическим наукам при Федеральном государственном бюджетном учреждении науки «Институт социально-политических исследований Российской академии наук» (ИСПИ РАН) по специальности 22.00.01 – теория, методология и история социологии по адресу: 119333, г. Москва, ул. Фотиевой, д.6, корп. 1, большой конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке учреждения науки «Институт социально-политических исследований Российской академии наук» (ИСПИ РАН). Электронная версия диссертации размещена на сайте ИСПИ РАН по адресу: <http://www.isprgas.ru>.

Автореферат разослан « » _____ 2015 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета,
кандидат социологических наук

В.Л. Гречихина

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность диссертационного исследования. Данное исследование вдохновлено практикой научных изысканий в области истории отечественной и мировой социологии, целенаправленным изучением истории литературы и анализом современного литературного процесса, наблюдениями за «социологизацией» литературы и «олитературированием» социологии.

Всякая новая научная дисциплина уже на начальном этапе становления должна определить ряд основополагающих моментов дальнейшего развития. В частности, ответить на вопрос, каким станет её *язык, стилистика изложения материала*, полученного в ходе исследований, или хотя бы обозначить основополагающие принципы и вектор развития этих важнейших информационно-коммуникативных компонент.

Развитие социологии, потенциал её исследовательских возможностей обостряют внимание к её генезису, непродолжительной, но яркой истории. Несмотря на «молодость» русской социологии, выделить её истоки непросто, ведь зарождалась эта научная дисциплина в противоречивые, парадоксальные времена заключительной стадии мирового модерна, когда была сформирована основная совокупность общественно-гуманитарных научных дисциплин, среди которых социологии и предстояло обрести своё место. «Русский период» отечественной социологии – «<...> это очень плодотворный и содержательный отрезок исторического времени, сконцентрировавший значимые открытия в области философии, в области формирующихся социальных наук. Проистекал он на фоне уникального философско-художественного явления, подаренного Россией миру, которое названо «серебряным веком» человеческой цивилизации»¹.

Работа, уточняющая генезис русской социологии, невозможна без исследований социальной публицистики, в частности, физиологического очерка, занимающего видное место среди предшественников социологической науки. Актуальность теме придаёт усилившееся стремление к выработке общей теории социального мира, интегрированной социологической науки, в пользу чего высказались Э. Гидденс, И. Валлерстайн и некоторые отечественные социологи. Строить же такую теорию без учёта влияния литературы и искусства, невозможно.

¹ Осипов Г.В., Москвичёв Л.Н. Социология и власть. М., 2008. С. 18.

В социологической традиции предмет литературы считается маргинальным. Усилия П. Бурдьё и других социологов способствуют пересмотру господствующей в социологии иерархии ценностей, бросают от лица социологии вызов предрассудкам и способам защиты, которые используют литераторы, чтобы предотвратить «вторжение» социальной науки на их территорию, веками освящаемую культом творчества свободного художника, стоящего над социальными реалиями.

Процесс этот в социологической науке стал *значимым частным* феноменом на фоне глобального расширения и *гиперболизации общего*, поскольку дискурс современной социологии как интенсивно развивающейся научной дисциплины говорит о её постепенной трансформации в глобальную науку, каковой была для мирового гуманитарного сознания в период модернизации и в значительной мере остаётся философия.

Степень научной разработанности проблемы. Вопросами истории и генезиса социологии успешно занимались и продолжают заниматься многие социологи. В частности, следует отметить в этой связи наших современников В.А. Бачинина, И.А. Голосенко, В.Н. Иванова, Е.И. Кукушкиной, С.С. Новиковой, Б.Н. Чагина² и др. Литературоведами и историками литературы исследован феномен физиологического очерка³. Но проводились эти исследования, как в первом, так и во втором случаях, без должной попытки увидеть их органическую взаимосвязь.

² *Бачинин В.А.* Метасоциологические проблемы//Социологические исследования. 1995, №11; *Бачинин В.А.* Социология и метафизика в творчестве Ф.М.Достоевского//Социологические исследования. 2000, № 3; *Бачинин В.А.* История западной социологии. СПб., 2002; *Бачинин В.А.* Об экзистенциальном пространстве русской литературы//Свободная мысль. 2012, №№ 9-10; *Голосенко И.А.* История социологии как научная проблема//Социологические исследования.1976, № 1; *Голосенко И.А.* Социологическая литература России второй половины XIX - начала XX в. Библиографический указатель. М., 1995; *Иванов В.Н.* Социология в СССР. Записки директора института. М., 2014; *Кукушкина Е.И.* Русская социология XIX - начала XX веков. М.,1993; *Новикова С.С.* История развития социологии в России. М.; - Воронеж, 1996; *Чагин Б.Н.* Очерк истории социологической мысли в СССР (1917-1969). Л., 1971.

³ *Авилова Н.С.* Материалы по лексике и фразеологии физиологического очерка//Материалы и исследования по истории русского литературного языка. Т.IV. М., АН СССР, 1957; *Белинский В.Г.* Вступительная статья//«Физиология Петербурга»,/составленная из трудов русских литераторов.Ч.1./ Под ред. Н.Некрасова. СПб., 1845; *Виноградов В.В.* Эволюция русского натурализма. Л., 1929; *Добролюбов Н.А.* Очерки и рассказы М.Т. Кокорева // Н.А.Добролюбов Полн. собр. соч. / Под ред. Е.В.Аничкова. Т. V. СПб, 1911-1913; *Иванов В.П.* И.Т.Кокорев. Жизнь и творчество. Минск, 1984; *Кулешов В.И.* Натуральная школа в русской литературе XIX в. М., 1982; *Лихачёв Д.* Будущее литературы как предмет изучения//Новый мир. 1969, № 9; *Манн Ю.В.* Философия и поэтика «натуральной школы». М., 1969; *Полевая Н.* Очерки русской литературы, Ч.1. СПб., 1839; *Сакулин П.Н.* Из истории русского идеализма // В.Ф.Одоевский. Т. I. Ч.1. М., 1913; *Цейтлин А.Г.* Становление реализма в русской литературе (русский физиологический очерк). М., 1965; Французский реалистический очерк 1830-1848 гг. М., 1963.

⁸ *Сиповский В.В.* О сущности литературного влияния//Архив В.В. Сиповского. РО ИРЛИ РАН. Ф. 279. № 68; *Сиповский В.В.* Этапы русской мысли. Пг., 1924. С. 10.

В начале для становления современной социологии и онтологически родственного ей в русской литературе метода реализма времена понятия «физиологического» и «социального» были практически тождественны, что и позволяет *отнести к предтечам социологии литературные «физиологии»*, в которых сконцентрировались в преддверии последующего развития понятия, методы и даже методология позднейших литературно-научных и социологических исследований.

Конкретными детерминантами начального периода становления социологии в России выступают подвиды русского очерка, сменяющие один другого в литературном процессе в указанной последовательности: нравоучительный; бытописательный, нравоописательный и физиологический. Позже, в 60-х–70-х гг. XX в., к этим очерковым подвидам можно присовокупить ещё и социальную художественную прозу, в первую очередь – публикации «Нового мира» А. Твардовского⁴. Предпринятый экскурс в историю предмета показывает на основе метода сравнительного анализа родство гносеологически близких явлений: социологической науки и социальной публицистики.

Такой подход не отрицает уже имеющихся представлений о возникновении и становлении отечественной социологии, а ставит целью дополнить, расширить видение этого процесса в исторической ретроспективе путём раскрытия общего в социальном научном и литературном феноменах.

Социолог и литературовед В. Сиповский, исследовавший аспекты литературного влияния на социальные науки, справедливо отмечал, что при отсутствии реальных возможностей конкретно помочь угнетённому самодержавием народу, образованные слои населения, прежде всего – русские интеллигенты – зачастую переносили своё благородное стремление в области писательской и исследовательской деятельности, подчас не очень их разграничивая. Как следствие – затянувшееся пребывание освободительной художественной и научной мысли на публицистической стадии, явно выраженная гуманистическая ориентация (зачастую, в ущерб объективности) русской социологии, совпадающая с ориентацией народнической прогрессивной литературы на «страдающего человека».

³ Аракчеев Ю. Подкидыш // Новый мир. 1997, № 9; Владимов Г. Три минуты молчания // Новый мир. 1969, № 7; Камов Ф. Я – маленький // Новый мир. 1966, № 10; Кондратьев Е. На китобойце // Новый мир, 1963, № 5.

⁴ Аракчеев Ю. Подкидыш // Новый мир. 1997, № 9; Владимов Г. Три минуты молчания // Новый мир. 1969, № 7; Камов Ф. Я – маленький // Новый мир. 1966, № 10.

Е.И. Кукушкина выделяет в истории русской социологии т.н. «публицистический» период. «Общественную мысль России отличает особое своеобразие по сравнению с социальными теориями Запада, – считает она. – Это проявилось, прежде всего, в том, что в течение длительного времени проблемы обществоведения освещались преимущественно с помощью средств художественной литературы и публицистики (что послужило поводом выделения в истории русской социологии “публицистического” периода)⁵.

Чётко и определённо указал на гносеологические особенности отечественного социологического знания по сравнению с европейским А.И. Кравченко: «Вспомним работы Н. Кареева, М. Михайловского, П. Сорокина и большинства других российских социологов. Может быть, они поражают нас математическими расчётами, формализованными построениями или богатством эмпирического материала, полученного при помощи традиционных, описанных в любом учебнике социологических методов? Ничего подобного. Это чисто гуманитарное знание. Таковы же и работы титанов русской социальной мысли Н. Бердяева и С. Булгакова.

Совсем иной характер сочинений М. Вебера, Э. Дюркгейма, Т. Парсонса или Ф. Херцберга. Как бы глубоки ни были философские рассуждения, на первом месте – тщательность методологической прописки темы, возможности количественного измерения явления. Это – альфа и омега настоящего позитивизма, который на отечественной почве так и не привился»⁶.

Объектом исследования является процесс становления русской социологии.

Предметом исследования является социальная публицистика (физиологический очерк) как детерминант становления русской социологии.

Цель исследования: раскрыть детерминирующую роль социальной публицистики (физиологического очерка) в становлении русской социологии.

Задачи исследования:

- выявить на основе сравнительного анализа текстов русских физиологических очерков, с одной стороны, и первых отечественных социологических исследований – с другой, их гносеологическое родство и указать координаты и преобладающий вектор в константном процессе «конвергенция-дивергенция»;

⁵ Кукушкина Е.И. Русская социология XIX – начала XX века. М., 1993. С. 7.

⁶ Кравченко А.И. Социология мнений и мнение о социологии // СОЦИС. 1992, № 3. С. 42.

- выявить и проанализировать феноменологию и национальные особенности исследуемых литературных явлений в контексте европейского литературного процесса и становления социологического знания;
- проанализировать в интересующем нас контексте одно из первых отечественных социологических исследований, работу А. Исаева «Промыслы Московской губернии»;
- выявить формирование «зародыша социологизма» в текстах литераторов «натуральной школы» (XIX в.);
- исследовать и обобщить основные аспекты возрождения физиологического очерка в 60-е – 70-е гг. XX в.;
- рассмотреть дивергенцию и конвергенцию самостоятельных феноменов (социологии и социальной публицистики) посредством выявления в них родственных признаков, которые, в перспективе, при затухании процесса дивергенции и усилении процесса конвергенции, станут «строительным материалом» языка и стилистики будущей социальной науки.

Научная проблема: стремительное усложнение социальной, социально-политической и экономической ситуации в российском обществе стимулирует отечественных социологов на предпочтительное проведение конкретных социологических исследований, призванных ответить на животрепещущие вопросы социума. При этом с неизбежностью снижается роль и количество проводимых теоретических исследований, в том числе в области истории социологии. Эта тенденция негативно сказывается на общем состоянии теоретической социологии, призванной, в частности, указать вектор, содержание и перспективы трансформаций общественных отношений. В такой ситуации уточнение генезиса отечественной социологии и углубление наших представлений о нём призваны способствовать установлению необходимого баланса между теоретическими и эмпирическими социологическими исследованиями, укреплению «фундамента», на котором возможно дальнейшее успешное строительство русской социологии.

Описательность – вот что с формальной точки зрения роднит документальный литературный источник с исследованием социолога. При этом описательность понимается нами не только как *форма изложения* организованных в сюжет фактов, но и как всегда промежуточный итог перманентного противостояния составляющих дихотомии «замысел-результат». «Письменная речь – это странный продукт, который

создаётся в подлинной конфронтации между тем, кто пишет и тем, «что он хочет сказать» в стороне от всякого непосредственного опыта социальной связи, а также в стороне от принуждений и побуждений непосредственно ощущаемого заказа, что проявляется во всякого рода признаках сопротивления или одобрения»⁷.

Лишь отсутствие либо слабое проявление в большинстве социологических исследований явно выраженной психологической компоненты и художественности как некой сверх-и-надинформативной составляющей, разводит социологическую работу с литературным произведением на генетически родственные, но сущностным образом различные уровни и формы познания, на собственно науку и литературу.

«Не помню сейчас, какой учёный сухарь родил ту «бессмертную» идею, что в храме исторической науки эстетике делать нечего», – с сарказмом заметил ещё Ф. Меринг⁸. Учёный, эссеист С. Эпштейн, рассуждая на эту тему, задаётся, фактически, риторическими вопросами: «Неужели сухость, трудная форма изложения, через которую читатель должен продирается к содержанию, – неперемный спутник учёности? Разве научная книга не должна увлекать? Разве читатель, «входящий в науку», должен заранее оставить надежду на всякие эмоции и приготовиться к преодолению в поте лица языковых и иных барьеров?»⁹.

Член-корреспондент РАН социолог В.Н. Иванов указывает на ряд точно выделенных из массива отечественной поэзии аргументов, подтверждающих социальность значительного пласта поэзии: «“Онегина” можно назвать энциклопедией русской жизни и в высшей степени народным произведением. “Энциклопедия русской жизни” – нет более высокой социологической оценки для любого произведения, как литературного, так и научного». Далее: «Ярчайшим воплощением социальной проблематики в поэзии являлось, бесспорно, творчество Н.А. Некрасова...». И, наконец: «Не вызывает сомнения, что термин “гражданская поэзия” близок к термину социологическая, являясь её неотъемлемым элементом. *Социологическая лирика* (курсив – Ю.Г.) – это высшая ступень лирики гражданской»¹⁰.

Американский социолог Р. Мёртон полагал, что социология ещё не готова к формулированию всеобъемлющей теории и предлагал сконцентрировать внимание

⁷ Бурдьё П. Начала. М., Socio-Logos, 1994. С.5.

⁸ Меринг Ф. Карл Маркс. История его жизни. М., 1957. С.27.

⁹ Эпштейн С. Учёные приказчики капитала // Новый мир. 1965, № 6. С. 274-275.

¹⁰ Иванов В.Н. Социология и поэзия. М., 2006. С. 358

на «теориях среднего уровня», являющихся «промежуточными между простыми рабочими гипотезами, в избытке возникающими в процессе ежедневных рутинных исследований, и всеобъемлющими спекуляциями, включающими основную концептуальную схему, из которой должно выводиться большое число наблюдаемых закономерностей социального поведения»¹¹.

Как видно из приведенного выше сопоставления, схожесть целей и задач физиологического очерка и социологии отмечалась многими исследователями. Ведь что такое «всякое наблюдение относительно любого аспекта социального поведения, организации и изменения», как не сам по себе реализованный физиологический очерк, которому предстояло «немедленно найти своё заранее отведённое место» в системе координат новой науки.

Основная гипотеза исследования заключается в том, что, изначальная литературная детерминированность отечественной социологии нашла своё отражение в более позднее время. Несмотря на строгий идеологический контроль и цензуру, в 1960-70-е гг. прошлого столетия получил своё развитие физиологический очерк и возродились социологические исследования, отличительной чертой которых стала гуманистическая направленность и объективная характеристика социальных реалий.

Теоретической и методологической основой исследования служат:

- 1) теория сравнительного анализа (М. Вебер, Т. Кун, Н. Смелзер, П. Фейерабен и др.);
- 2) теория структуральной лингвистики (ОПОЯЗ, «московская школа», Р. Барт, Р. Гароди, Ж. Даррида и др.);
- 3) метод научной дедукции (Ф. Бекон, Д.С. Милль и др.);
- 4) монографический метод эмпирической социологии (Ф. Ле Пле, Д. Густы, Г. Осипов, В. Староверов и др.);
- 5) концепция публичной социологии (М. Буравой).

Эмпирическую базу исследования составляют:

- совокупность русских физиологических очерков первой трети XIX в. (Н. Полевой, И. Кокорев и др.);
- социальные очерки в творчестве русских писателей (В. Гиляровский, М. Горький, В. Короленко, Вл. Ф. Одоевский и др.);

¹¹ Merton R.K. On Theoretical Sociology. New York: 1967, p. 45.

- первые русские социологические исследования (В. Берви-Флеровский, А. Исаев, А. Шапов и др.).

Научная новизна диссертационной работы:

1) достигнуто приращение научного знания путём обоснования детерминирующей роли социальной публицистики в процессе сближения социологии и социальной публицистики;

2) осуществлена классификация существующих взглядов предшественников на взаимосвязь социальной публицистики и социологии;

3) изучено и проанализировано влияние социальной публицистики на процесс становления отечественной социологии в исторической ретроспективе;

4) уточнены и систематизированы критериальные характеристики этапов процесса становления отечественной социологии;

5) рассмотрен в векторе «от литературы к социологии» процесс взаимодействия отечественных социологии и социальной публицистики, что позволило перенести акцент в исследовательском процессе с литературоведческого на социальное содержание;

6) показано, что общим для социальной публицистики и социологических исследований является использование монографического и биографического методов в анализе социальных реалий;

7) доказан маятниковый характер процесса дивергенции-конвергенции во взаимодействии социологии и социальной публицистики.

На материале исследования подготовлен лекционный курс по истории и теории социологии, спецкурс «Социология и литературный процесс».

Диссертация предлагает ряд новых терминов, в частности: «литературная детерминированность социологии», «избыточный социологизм», «литературный фундаментализм» и др., которые пока являются неологизмами.

Обоснованность и достоверность результатов диссертационного исследования обеспечивается корректностью применения методологических принципов к анализу социологической и литературной информации, использованием достоверных источников, репрезентативностью выбора объектов исследования и верифицируемостью полученных данных. Научные положения, рекомендации и выводы характеризуются как достоверные. Содержание соответствует специальности, по которой диссертация рекомендована к защите.

Положения, выносимые на защиту

1. Письменное воссоздание среды обитания индивидуумов, которую обозначают *социальной средой*, утвердилось в первой половине века XIX в понятийном аппарате социальных наук термином «физиологизм».

2. Термин «физиологизм» по отношению к литературе в то время выражал стремление с точностью, близкой естественнонаучному анализу, исследовать жизнь средствами художественно-публицистического творчества. Отражением такого подхода явилась социальная публицистика и, главным образом, физиологический очерк.

3. Для социальной публицистики характерно выделение и показ типичного в общественной практике.

4. Анализ тенденции развития социальной публицистики (физиологического очерка), выяснение степени и механизмов её влияния на становление отечественной социологической науки, подтверждает прогрессивное гуманистическое содержание как русской социальной публицистики, так и отечественной социологической науки.

5. Содержание социальной публицистики (физиологического очерка), отражающее основные тенденции развития социальной среды, объективно сближает её с социологическим исследованием

6. Развитие социальной публицистики создало предпосылки для более полного и разностороннего исследования социальных реалий в разные этапы отечественной истории.

Научная и практическая значимость исследования заключены в приращении социологического знания на основе расширения и уточнения представлений о генезисе русской социологии. Анализ феноменов физиологического очерка и ранних социологических исследований и полученные выводы создают возможность для уточнения и более полной характеристики основных этапов истории отечественной социологии, характера взаимовлияния социологии и социальной литературы как в прошлом, так и в настоящем.

Конкретное личное участие автора в получении научных результатов. Автор на основе анализа научной литературы, периодических источников, а также анализа данных социологических исследований проследил процесс взаимодействия русской социальной публицистики и отечественных социологических исследований как

в ретроспективном, так и в современном состоянии. Достоверно описал полученные результаты, сделал выводы и дал прогноз дальнейшего сближения социологии и социальной публицистики. Ввёл в научный оборот ряд терминов.

Апробация результатов диссертационного исследования. Диссертация обсуждена в Федеральном государственном бюджетном учреждении науки «Институт социально-политических исследований российской академии наук (ИСПИ РАН). Ряд положений диссертации были изложены автором на научно-практической конференции «Современный Русский мир в социальных исследованиях и очерковой публицистике». На заседании «Круглого стола» ежегодной научно-практической конференции: «Социальные аспекты игрового и документального кинематографа России».

По теме данного исследования автором опубликовано 2 монографии, 6 статей в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ, 3 журнальные статьи, 3 публикации в интернет-изданиях общим объёмом 40 п. л.

Структура диссертации подчинена цели и задачам исследования – работа состоит из введения, трёх глав, включающих 9 §, заключения, списков использованной литературы и научных публикаций автора, 3-х приложений.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается выбор исследуемой темы, её актуальность, цель и научные задачи, которые ставит перед собой исследователь, анализируется степень изученности проблемы, раскрываются методология и эмпирические основания исследования, его объект и предмет, теоретическая и практическая значимость работы.

Глава первая. «Физиологический очерк в русской социальной публицистике» рассматривает историю, феноменологию и своеобразие физиологического очерка, его роль и место в творчестве русских, а также европейских и американских социальных очеркистов.

Первый параграф: «Становление русского очерка: этапы развития и особенности жанра» исследует этапы становления и развития русского очерка как такового. Констатируется, что очерк как жанр отечественной литературы возник в XVIII столетии, в XIX в. окончательно оформился в литературном процессе стремительно поднимающегося тогда русского реализма, и с тех пор является одним из самых распространённых явлений письменного творчества. Изучение русского

очерка следует начинать с 70-х гг. XVIII в., когда сатирические журналы «Трутень» и «Живописец» Новикова, «Сатирический вестник» Стрехова и ряд других изданий в массовом порядке печатали образчики такого жанра. Опыт раннего русского очерка пригодился очеркистам первой трети XIX в. Батюшкову, Ник. Полевому, Вл.Ф. Одоевскому. Изображая предосудительное, по их мнению, явление (придворного угодника, светскую модницу и т.п.) они ещё не могли указать на общественные закономерности заинтересовавших их феноменов. Они видели свою главную цель в противопоставлении «злому» «доброму», т.е. в моралистической критике.

С начала XIX столетия сатирический очерк всё более уступает место очерку бытовому, нравоописательному. Очеркист перестаёт поучать, он всё чаще изображает колоритные нравы определённой социальной и географической среды. «Возле огромных чертогов вот хижина, жалкая обитель нищеты и болезней. Здесь целое семейство, изнурённое нуждами, голодом и стужей – дети полунагие, мать за прялкой, отец, старый заслуженный офицер, в изорванном майорском камзоле, починая старые башмаки и ветхий плащ, чтобы по утру можно было выйти на улицу просить у прохожих кусок хлеба <...>»¹². Однако далее констатации этого вопиющего неблагополучия и несправедливости К.Н. Батюшков не идёт. Констатирован факт, но ничего, что касалось бы *причин и следствий*, мы не найдём в пространном тексте очерка. *Социальный анализ* – до него ещё годы упорной работы множества бытописателей.

Второй параграф: «Нравоописательный (физиологический) очерк: феноменология, история и национальные особенности» знакомит с историей, феноменологией и своеобразием физиологического очерка.

Показано, что физиологический очерк занимал заметное место в ведущих литературах Запада: французской (Ж. Санд, Ф. Сулье, Ф. Пиа, П. Борель, П.Ш. де Кок, Ж. де Лабрюйер, А.Р. Лесаж, Л. Гозлан и «доктор социальных наук» О. де Бальзак), английской (Ч. Диккенс, У. Теккерея), американской (У. Ирвинг) и др. Понятие «физиологии» в литературе ввёл французский писатель и юрист Б. Саварен, автор книги «Физиология вкуса» (1826).

Появлению физиологического очерка реально способствовали достижения тогдашней физиологии, которая активно помогала литераторам и первым социальным

¹² Батюшков К.Н. Сочинения. М., 1955. С. 313.

учёным вырабатывать научный метод социологического исследования действительности. Вышедшие в начале XIX в. труды Ж.Б. Лемарка и Э.Ж. Сент-Илиера (в частности, борьба последнего против метафизической теории неизменности видов Ж. Кювье) способствовали выработке в общественном сознании доверия к эволюционистским взглядам на историю не только в биологической, но и общественной жизни людей. Первые русские назидательно-правописательные *этнографические* очерки, предвосхитившие физиологические, были написаны в первой половине XIX в. К.Н. Батюшковым: «Прогулка по Москве» (1811-1812 гг.); В.Ф. Одоевским: «Сборы на бал», «Женские слёзы», «Невеста» (1820-е гг.); Н.А. Полевым: «Новый живописец общества и литературы» (1832)¹³. Альманах А. Башуцкого положил начало собственно *русскому физиологическому очерку*. За короткий отрезок времени один за другим выходят сборники «Очерки московской жизни» П. Вистенгофа (1842), «Лицевая сторона, или Изнанка рода человеческого» Ф.В. Булгарина (1842), альманахи Н.А. Некрасова «Физиология Петербурга» (1845), «Петербургский сборник» (1846), «1-е апреля» (1846). Всего же за неполное десятилетие (1839-1848) по сведениям В.П. Иванова¹⁴, вышло в свет не менее 700 физиологических очерков, а в жанре этом выступили такие различающиеся друг от друга беллетристы, как А.П. Башуцкий, П.Ф. Вистенгоф, Е.П. Гребёнка, Д.В. Григорович, И.А. Гончаров, В.И. Даль, С.Ф. Дуров, П.В. Ефёбовский, И.Т. Кокорев, Н.А. Некрасов, И.И. Панаев, Н.А. Полевой, В.А. Соллогуб, В.В. Толбин, П.С. Фёдоров и др.

Русские очерковые физиологии не копировали закордонные аналоги. В русских физиологиях, в отличие от французских, не изображались люди света и аристократия. Русские писатели отдавали предпочтение представителям «третьего сословия», мещанам и т.н. «черни», которая в значительной мере состояла из крепостных и недавно отпущенных крестьян. Поэтому правильно говорить о **двуедином генезисе** русского физиологического очерка, который составляют доморощенная литературная линия, исполненная отечественными писателями, а также европейское (в основном французское) заимствование.

К важнейшим чертам физиологического очерка *относятся*:

¹³ См. Кулешов В.И. *Натуральная школа в русской литературе XIX в.* М., 1982; Манн Ю.В. *Философия и поэтика «натуральной школы» // Проблемы типологии русского реализма.* М., 1969; Цейтлин А.Г. *Становление реализма в русской литературе (русский физиологический очерк).* М., 1965; Якимович Т. *Французский реалистический очерк 1830-1848 гг.* М., 1963.

¹⁴ Иванов В.П. И.Т. Кокорев. *Жизнь и творчество.* Минск, 1984. С. 72.

- а) отсутствие сюжета в традиционном понимании термина;
- б) принцип локализации действия;
- в) использование точных сведений при описаниях местности, времени действия, персонажей;
- г) отношение к воспитанию, образованию, жизненным условиям героев как к основным их характеристикам;
- д) повышенное внимание к характеристике социальных типов и среды;
- е) изображение жизни в социальном «разрезе»;
- ж) тенденция к типизации изображаемого явления.

Стремление создать образы-типы Н. Некрасов определял характерной чертой «литературной физиологии» как «историю внутренней нашей жизни».

Отмечается, что, являясь *текстовыми иллюстрациями* социальных явлений, персонажей, нравов и обычаев городской среды, русские физиологические очерки способствовали развитию *иллюстраций изобразительных*, вдохновили художников-реалистов (П. Федотов. «Свежий кавалер»; М. Нестеров. «Домашний арест» и др.) на нравоучительные бытописательные живописные полотна.

Третий параграф: «Физиологические очерки Н.Полевого и И.Кокорева как характерные образцы жанра» знакомит с лучшими произведениями этого жанра.

В очерке «Мелкая промышленность, шарлатанство и диковинки московские»¹⁵ Н. Полевой одним из первых предлагает читателю в зачине текста *данные московской статистики*, характеризующие исследуемый город. Площадь: 64 кв., версты; домовладения: 10000 домов; население: более 300000 чел., из которых: 20000 подьячих, 12000 цеховых, 47000 мещан, 3000 иностранцев, 50000 крестьян, 70000 барских людей.

Подобно социологу более поздних времён, классифицирует исследуемое явление, используя аналогию с жилым домом в три этажа. Наиболее престижный – бель-этаж занимают большие торговцы, фабриканты, подрядчики со своими огромными капиталами.

На первом этаже – деятельность мелкая, часто одноручная, всегда пёстрая, подстрекаемая нуждою, голодом, холодом, жаждою. Верхний этаж занят шарлатан-

¹⁵ *Новый живописец общества и литературы, составленный Н. Полевым*, Ч. III. М., 1832-1836. С. 256.

ством всякого рода. «Тут фокусники тела и ума, аферисты, <...> торгуют даже смехом и слезами ближнего, веселятся в печали, печалются в радости»¹⁶.

В творчестве Н. Полевого 40-х гг. социологический очерк освободился от установки на сенсацию, на отыскание «тайн» в духе романов Э. Сю. Открытие социальных контрастов, путём их отображения в очерковом тексте, совершилось не со снобистских позиций французского аристократа-филантропа, как у того же Э. Сю, а с позиций русского писателя, тяготеющего к весьма прогрессивному народничеству.

Статистика, систематизированные наблюдения, классификация элементов исследуемого явления, выводы экономического свойства, психологические характеристики персонажей... Если текст Н. Полевого «Мелкая промышленность, шарлатанство и диковинки московские» ещё и не социологическое исследование само по себе, то, бесспорно, близкая ему социальная публицистика.

Очерк И. Кокорева «Мелкая промышленность в Москве» развивает, конкретизирует изыскания Н. Полевого. По своей сути он ещё более приближен к социологическому исследованию. Представляя мелкую промышленность Москвы во всём её разнообразии, автор скрупулёзно исследует каждую составляющую этого социально-экономического явления.

Систематизировав содержание очерка, получим 5 основных разделов.

1. Социальное происхождение делателей мелкой промышленности: вольноотпущенные крепостные, вдовы с детьми, совращённые мещане (пьяницы), артисты (музыканты), отставные солдаты.

2. Род занятия: сбор раннего шавеля, крапивы, земляники для кулинарных нужд; сбор и обработка трав, кореньев, почек для фармакологии; заготовка дубовых листьев для засолки огурцов; добывание муравьиных яиц для кормления соловьёв; ловля певчих птиц; ловля рыбы; вязание цветочных букетов на Троицын день; заготовка травяных венчиков для очистки платья; торговля в разнос яблочным квасом, сладостями, драчёной, студнем, пирожками, комплексным обедом по 10 коп.; покупка товара по окрестным селеньям.

3. Место труда: Останкинская, Марьино рощи, Перово, Петровско-Разумовское, городские парки, окрестные леса, реки, озёра, пруды, места народных гуляний.

¹⁶ Там же. С. 260.

4. **Сбыт:** рынки, торговля с рук на своих «избранных местах» бойких улиц, городские солильни, аптеки и травяные лавки, Птичий рынок, дома известных любителей певчий птиц, трактиры, рестораны, Обжорный ряд, Дворянская кухня.

5. **Спорадические занятия (осень-зима):** приобретение на бойне (даром) требухи, сычуга, а то и целого гусака; тщательная прорывка уже копанных грядок огородников (с разрешения последних); заготовка хвороста; сбор костей, тряпья, стекла; работа прачкой, швеей; перетирка табака; починка обуви; изготовление ваксы; изготовление домиков для чижигов; изготовление примитивных игрушек; разукрашивание цветными лоскутами вербы; разрисовывание пасхальных яиц; дрессура птичек; исполнение песен на торжествах; изготовление наряда невесты; обряжение её под венец.

Из реестра видно, что деятельность мелкой промышленности московской времён И. Кокорева – без учёта графы «Спорадические занятия» – заключалась, в основном, в обслуживании более состоятельных городских сословий. Запросы этих горожан следует отнести к над-и сверхнормативным, другими словами – к баловству, капризам. Мелкая промышленность по предлагаемой нами классификации – это даже не ремесленничество, само по себе не обеспечивающее работнику постоянной занятости, и малоприбыльное. Необязательный характер этих запросов имел следствием неустойчивый заработок для их исполнителей. Реальные материальные затруднения у горожан в первую очередь отсекали заказы, обеспечивающие прокорм делателям мелкой промышленности; всякого рода чрезвычайности и связанный с ними режим экономии самым пагубным образом сказывались на исследуемой нами социальной страте. При этом неверным было бы считать труд мелкой промышленности примитивным, не требующим знаний и навыка. Обратим особое внимание на бесспорно позитивные качества (по Кокореву) делателей малой промышленности московской:

- *субсидиарность*,¹⁷ достигнутая напряжённым трудом и сохранением в городских условиях элементов крестьянского уклада (свой огород подле слободского домика, хлев при нём с коровой, птицей и т.п.), что обеспечивает им пусть и относительную, но самостоятельность и независимость;
- *трудоуниверсализм*, заключающийся в том, что, в силу сезонности и малой доходности каждого по отдельности из приведённого И. Кокоревым ре-

¹⁷ Самообеспечение.

эстра занятий, безымянные герои его очерка не специализировались на каком-то из них особо, а старались (и, как видим, безуспешно) овладеть как можно большим числом навыков и ремёсел, дабы расширить диапазон своей трудовой деятельности и, таким образом, увеличить заработок. «<...> только успевай подвергиваться, если не хочешь поспорить с желудком; берись за всё, что ни случится, являйся всюду, где можно пустить в оборот свою сметливость, трудись без устали и хлопочи до упаду»¹⁸;

- *психологизм*, который наиболее убедительно и ярко живописует И.Кокорев в той части очерка, где речь идёт о «торговле самоварами», т. е. торговле чаем-напитком вразнос.

Автор, где только удаётся, отмечает природную русскую домовитость своих героев, строгость и трепетность в исполнении религиозных обрядов и уважительное следование исконно русским нравственным императивам. «Порядок удивительно как скрывает тёмные пятна нищеты, а бережливость даёт мелкой промышленности средства позволить себе иногда кое-какие удобства в жизни. Редкий день пройдёт без чаю; в праздник непременно являются пироги или какое-нибудь сверхштатное кушанье; но в этот же день последний гривенник употребляется на покупку деревянного масла для лампы перед иконами, на свечку в божьей церкви, – и ни один нищий не отойдёт от окна человека не многим богаче его без посильного подаяния...»¹⁹.

Жизнь тех социальных пластов, которые изображали Н.А. Полевой, И.Т. Кокорев и другие литераторы физиологического направления, впоследствии с большей полнотой будет представлена в текстах беллетристов-народников – «художников-социологов» по определению Г. Плеханова. Обратят на них внимание первые русские учёные-социологи Н. Флеровский (В.В. Берви), М.И. Туган-Барановский и др.).

Глава вторая. «Взаимодействие социологии и социальной публицистики» представляет одно из первых русских социологических исследований в сравнительном анализе с очерковыми «социологиями», описывает социологические исследования, близкие по методу очерковой литературе, повествует о совершенство-

¹⁸ *Белинский В.Г.* Вступительная статья в кн. «Физиология Петербурга», / составленная из трудов русских литераторов. Ч. I. / Под ред. Н. Некрасова. СПб., 1845. С. 81.

¹⁹ *Кокорев И.Т.* Мелкая Промышленность в Москве // Очерки Москвы 40-х гг. Л., 1932. С. 72-73.

вании метода и инструментария фиксации результатов социологических исследований.

Первый параграф: «Социологическое исследование А. Исаева в сравнении с очерковыми «социологиями». Тренд на дивергенцию» содержит сравнительный анализ социологического исследования А. Исаева с очерковыми «социологиями». Исследование А. Исаева²⁰ оформлено в двух томах, где каждому тому соответствует свой вид ремесла. Том I. Изделия из дерева. Том II. 1. Металлические промыслы. 2. Гончарный промысел. Предметом нашего анализа стал том I.

В отличие от «малой промышленности московской», в основном, осуществлявшей напрямую торговое и бытовое обслуживание зажиточных москвичей, столярные и токарные промыслы Подмосковья являлись вспомогательными производствами для крупных промышленных предприятий. Пожалуй, лишь мундштуки, папиросницы и подобные им галантерейные изделия можно рассматривать как самостоятельный конечный продукт.

Регулятором номенклатуры являлся рыночный спрос. «Спрос на рынке побуждает их видоизменять изготавливаемые товары: нынче они делают папиросницы, полгода тому назад делали ящики в 5 вершков вышины, а через год, быть может, станут делать в 10 вершков»²¹. География данного промысла обусловлена в первую очередь наличием неподалёку промыслового леса. Она охватывает 11 деревень Ягунинской волости Звенигородского уезда и 8 Оршковской Рузского.

Причинами, вызвавшими к жизни промысел, А. Исаев называет:

- 1) плохое состояние земледелия, не способного прокормить крестьянскую семью;
- 2) богатство лесов, покрывших эту местность.

Исследование затрагивает подготовительный период (заготовка древесины, доведение её до кондиции), разбор производственной структуры, описание инструментария, анализ корпоративных отношений, анализ взаимодействия с оптовиком, принципы индивидуальной реализации произведённого товара, показ специфики работы по найму и даже такой нюанс, как ученичество. Скрупулезно исследован производственный инструмент. Описаны, вплоть до размеров, помещения промышленных

²⁰ Исаев Андрей. Промыслы Московской губернии//Московская губернская земская управа. Т. I, вып. II. М., 1877.

²¹ Там же. С.3.

заведений, процесс изготовления того-либо иного товара (технология). «Главнейшие операции при производстве катушек, кружков состоят в следующем:

- 1) животик оболванить и провернуть (*животиком* называется средняя часть катушки);
- 2) живот обтесать;
- 3) кружки провернуть (кружки надеваются на оба конца животика);
- 4) гайки подточить;
- 5) заклеить (только после 5-й операции образуется катушка);
- 6) катушку оболванить;
- 7) начисто выточить»²².

Не обойдён вниманием *капитал*, необходимый для обеспечения процесса, выведена стоимость продуктов годового труда для каждого вида изделий. Для нас важно, что при сопоставлении издержек производства и годового расхода семьи ремесленника дефицит семейного бюджета составляет огромную в этой грошовой бухгалтерии сумму – почти 190 руб.!

О бесперспективности такой архаической организации деревообрабатывающего производства свидетельствует тот факт, что в состоящем из 128 душ селении Иглово число лиц, промысляющих обработкой дерева, за предшествующие исследованию несколько лет уменьшилось почти наполовину.

При анализе социологического исследования (А. Исаев) и физиологического очерка (И. Кокорев) выявлена схожесть (временами до тождественности):

- природы трудовой деятельности подмосковных промысловиков и делателей мелкой промышленности московской;
- её цели, заключающейся в обеспечении выживания работников и воспроизводства их семей;
- жизненного уклада;
- религиозных верований и морально-нравственных императивов.

Также принципиально схожи методы и стилистика отображения труда и быта обоих социальных страт, подвергнутых исследованию учёным и социальным очеркистом.

²² Там же. С. 4.

Параграф второй: «Социологические исследования близкие по методу очерковой литературе» раскрывает содержательное родство социальной публицистики с *монографическим исследованием и биографическим методом* в социологии.

Показано, что, послужив стратой социальных исследований во Франции и Российской Империи, монографический метод позволил прогрессивным русским обществоведам отразить социальную противоречивость действительности. Имеются в виду, прежде всего, «Пошехонская старина» М.Е. Салтыкова-Щедрина (1887-1889), «Село Пурех с его приходскими деревнями Балахнинского уезда» И.Л. Лебединского (1869), письма «Из деревни» А.Н. Энгельгардта (1882), «Опыт подворного обследования экономического положения и хозяйства крестьян в 3-х волостях Новгородского уезда» Г. Бычкова (1882), монография А. Шингарёва «Вымирающая деревня» (1903), а также публикации земских статистиков С.В. Мартынова, Н.М. Калашникова и др.

Школа французского монографического исследования (Ф. Ле Пле) разработала проблематику и схемы исследования локальных общностей, прежде всего – деревенских общин. Этот опыт Ле Пле использовал и развил румынский социолог Д. Густы в возглавляемом им исследовании коллектива румынских обществоведов. Итогом трёхлетней работы (1934-1937) стала социологическая монография «Копанка»²³.

Продолжение эта история получила через 25 лет, когда при разборе фондов Государственного архива МССР была обнаружена большая часть материалов социологического исследования «Копанка». Тогда же у молдавских социологов возникла идея провести новое социологическое исследование села Копанка, чтобы при сравнительном анализе его результатов с результатами, полученными Д. Густы в 1937-м году, продемонстрировать преимущества социалистического колхозного хозяйствования СССР перед частным буржуазным укладом королевской Румынии. Исследовательскую работу по просьбе руководства МССР возглавили московские социологи Г.В. Осипов и В.И. Староверов. Итогом стала монография «Копанка – 25 лет спустя» («Наука», 1965). Московские социологи не прекращали добровольный мониторинг и в самые сложные времена: перестроечные и постперестроечные годы. Итогом этого многолетнего системного труда стала обширная монография Г.В. Осипова и В.И. Староверова²⁴. Таким образом, мы имеем одну из немногих (если ни единственную

²³ *Копанка*//Бюллетень Кишинёвского филиала Румынского института социологических исследований / Рук. исследования Д. Густы. 1938, Кишинёв. Т. 2.

²⁴ *Осипов Г.В., Староверов В.И.* Село Копанка в измерении трёх эпох. М., 2014.

на всём постсоветском пространстве) серьёзную исследовательскую социологическую работу, основывающуюся на дрящемся 75 лет (!) мониторинге объекта (село Копанка), которое пережило за эти времена три политических и социально-экономических уклада: аграрный доиндустриальный капитализм (королевство Румыния), социализм советского типа (СССР), реставрацию капиталистического уклада (Республика Молдова).

Близок социальной публицистике и *биографический метод* в социологии. Его фундаментальная особенность заключена в направленности на воссоздание исторической, развёрнутой во времени, ретроспективы событий. Используя биографический метод, социолог становится в некотором роде социальным публицистом. История социальных институтов и социальных изменений здесь раскрывается через рассказы людей об их собственной жизни. Это создаёт дополнительные возможности для пересмотра официальных версий истории, написанных с позиций властвующих классов и групп, и сопоставления этих версий с основанном на повседневном опыте знанием социальной жизни непривилегированных социальных групп.

Параграф третий: «Совершенствование метода и инструментария фиксации результатов социологических исследований».

Начиная с середины 60-х гг. XX в. в социологии стала просматриваться тенденция к квантификации: сведению качественных характеристик к количественным для придания результату измерения численного значения. Стало аксиомой, что «<...> максимально полное и стройное логическое доказательство, а вместе с ним – наиболее объективное и необходимое знание традиционно достигается в области математики»²⁵. Родилась сентенция, что в науке столько научного, сколько выразимого средствами математики.

В этот же период в советской социологической науке происходит активная переналадка исследовательского инструментария. Вслед за лидерами мирового социологического процесса, ведущие отечественные социологи все реже используют статистику²⁶ и усреднённые количественные показатели: ВВП, душевое потребление, сравнения с показателями экономики России 1913 г.

²⁵ Ильин В.В. К вопросу о критериях научности знания // Вопросы философии. 1986. С.64.

²⁶ По мнению одного из ведущих специалистов в области логико-методологических проблем социальнo-гуманитарного знания В.А.Смирнова: «Вероятностные методы, статистика первоначально возникли как методы, ориентированные на социальную область, и лишь впоследствии были распространены на физику и другие области». (Смирнов В.А. Выступление в журнале «Вопросы философии» // Вопросы философии.

«Наибольшее впечатление в американской социологической литературе производили методы формирования выборочной совокупности, структурно-функциональный анализ, факторный анализ, применение математических методов и моделей. В это время по линии ССА мы издали ряд переводов книг американских социологов («Математические методы в современной буржуазной социологии». М., 1966; «Математические методы в социальных науках». М., 1973 и др.). В сотрудничестве с математиками опубликовали собственный коллективный труд «Методика и техника статистической обработки первичной социальной информации» (1968); а затем и «Количественные методы в социологии» (1976)²⁷.

С тех пор дискурс на математизацию отчётливо различим в отечественной социологии. Математическими формулами социологи новых поколений стремятся выразить такие «тонкие» индикаторы состояния социума как уровень «удовлетворенности жизнью» (life satisfaction), «благополучия» (wellbeing) и др.

В современных условиях социологи привлекают в процессе исследований всё в большей мере качественные показатели, что в значительной степени приближает их к социальным публицистам и художественным литераторам в целом. Показательно в этом отношении высказывание П. Бурдьё о роли литературных приёмов: «Забота о том, чтобы дать почувствовать или дать понять, вызванная непосредственным присутствием внимательного слушателя <...> подталкивает на поиск *метафор и аналогий* (курсив – Ю.Г.), которые, если сумеешь оговорить их ограничения на момент использования, позволяют дать первое интуитивное приближение к наиболее сложным моделям и, таким образом, подвести к более строгому представлению»²⁸.

Эту ситуацию подтверждают изыскания голландского социолога Д. Пелса, который, исследуя взаимоотношения политики и экономики, определяет оба понятия как «метафора политики» и «метафора экономики». По мнению Д. Пелса, оба этих вокабулярия осуществляют расколдовывание и деконструкцию, поскольку обнаруживают в качестве характерных особенностей профессионального поиска знания нечто аналогичное жажде наживы или воле к власти. «Интрига состоит в том, – пишет Д. Пелс, – что эта радикальная идея относительно сговора между когнитивными и социальными

1988, №12. С. 26).

²⁷ Митрохин Л.Н. Тернистые пути отечественной социологии (Беседа с академиком РАН Г.В. Осиповым) // Осипов Г.В., Москвичёв Л.Н. социология и власть. М., 2008. С.432.

²⁸ Бурдьё П. Начала. М., 1994. С.11.

ми элементами в науке, а также ситуативности и обремененности интересами ее продуктов получила выражение в двух классических вариациях расколдовывания: «марксистской», касающейся экономики и капитала, и «ницшеанской», касающейся политики и власти. <...> Каждая по-своему, выявляют нерасторжимую двойственность когнитивных и стратегических интересов и вытекающую из нее «агонистическую» структуру научного предприятия.²⁹

Таким образом, *обе метафоры* (*курсив мой* – Ю.Г.) представляются одинаково полезными с точки зрения низвержения того, что Ницше называл «аскетическим» идеалом философской истины, и освобождения (disburdening) науки от её традиционных эпистемологических привилегий»³⁰.

Метафоричность в гуманитарной науке вербует всё новых сторонников, прежде всего, среди учёных постмодернистского направления. Как свидетельствует проф. Д.В. Иванов³¹, в качестве идеологической основы нового интеллектуального и эстетического течения в социологии ряд авторитетных исследователей склонны признать «нарочито метафоричные концепции» постмодернистов Ж.-Ф. Лиотара и Ж. Бодрийяра³², которые констатируют «атомизацию» социального в эпоху «расслабленности», провозглашают «конец социального» в период «инертности» и «меланхоличности». Тем самым косвенно признаётся, что за пределами традиции модерна *метафоричность* выступает в социологии если ещё и не составной частью стилистики исследований, то, по крайней мере, протоэлементом нарождающейся лексики, фиксирующей результаты этих исследований.

Аналитика эмпирики остаётся главным направлением научной мысли. Однако и «новая волна», пытающаяся исследовать рефлексию сознания и чувственного восприятия, исследовать, описать, встроить в социум обретает всё большую силу и возможности за счёт использования новых подходов, объединяющих исследовательские возможности социологии, публицистической и художественной литературы.

²⁹ Эпистемологическое совпадение ориентированных на истину когнитивных интересов (датск. *belang-stelling*) со стратегическими интересами (датск. *belang*) гораздо лучше передается английским *interest* или французским *intérêt/intéressement*, чем датским прилагательным *belang-rijk*.

³⁰ *Пелс Д.* Смешение метафор: политика или экономика знания? // В кн. *Знание: собственность и власть.* – М., 2010, с.11-12.

³¹ *Иванов Д.В.* Виртуализация общества. СПб., 2000. С. 16.

³² *Lyotard J.-F.* *The Postmodern Condition.* Manchester, 1984; *Baudrillard J.* *In the shadow of the silent majorities or The end of the social and other essays.* New York: Seabury, 1983.

Глава третья. «Возрождение физиологического очерка» фиксирует процесс возрождения и институционализации отечественной социологии, излагает историю самоотверженной, порой трагической борьбы советских социологов за утверждение гражданского и научного статуса социологии, описывает активное взаимодействие социологов и литераторов на новом историческом этапе.

Первый параграф: «Возрождение отечественной социологии» повествует о наиболее значимых моментах истории возрождения отечественной социологии в период 60-х – 70-х гг. XX в.

В два первых десятилетия советской власти появились многочисленные социологические исследования. Публиковались работы, характеризовавшие экономический быт разных категорий населения, не исключая ремесленников, отходников, даже частников (во времена нэпа). Социологи опирались на объективные данные, благо статистика, в отличие от позднесталинского советского периода, оставалась широкодоступной, и исследователям не приходилось «выбивать» в надзорных инстанциях визы и допуски к статистическим материалам. В 30-е гг. параллельное, относительно мирное сосуществование двух социологических школ (традиционной и марксистской) было прервано. На социологические методы исследования общества, на изучение конкретных процессов и явлений социальной жизни и на само понятие «социология» был наложен строжайший запрет. Социология была объявлена буржуазной лженаукой, не только не совместимой с марксизмом, но и враждебной ему. На место отечественной социологии как науки была поставлена философия (исторический материализм). Лишившись социологии, российское общество лишилось действенного индикатора «социальной погоды», инструмента анализа и познания социальной реальности. Восторжествовало знание социально-мифологическое или социально-утопическое. Однако во второй половине 1950-х гг. отношение к социологии существенно изменилось в положительную сторону, о чём свидетельствуют:

- принятие Постановления Президиума ЦК КПСС (1955), разрешившее советским учёным участвовать в III Всемирном социологическом конгрессе (Голландия);
- легализация понятия «конкретные социологические исследования»;
- проведение в г. Москве 23 сентября 1957 г. Международного совещания социологов по вопросу о мирном сосуществовании;

- публикация статьи Юргена Кучинского в журнале «Вопросы философии» (№5, 1957), где впервые после долгих запретов и умолчаний был поставлен вопрос об изучении социологических законов;
- учреждение Президиумом АН СССР 18 февраля 1958 г. Советской Социологической Ассоциации (пред. Ю. Францев, зам. пред. Г. Осипов) и т.д.

В середине 1960-х гг. начинают появляться первые крупные труды, обобщающие итоги конкретных социологических исследований. Выходят монографии: «Копанка 25 лет спустя» (1965); «Рабочий класс и технический прогресс» (1967); «Человек и его работа» (1967). Существенный вклад в изучение социальных аспектов взаимоотношения свободного и рабочего времени внесли труды Г. Пруденского, подытоженные в книге «Время и труд» (1964). Широкий круг исследований социальных проблем брака и семьи был обобщён в классической монографии А. Харчева «Брак и семья в СССР» (1965).

В стране сложилось мощное *социологическое движение*, объединившее большую группу философов и экономистов, представителей других научных дисциплин, которые перешли на позиции социологической науки.

Второй параграф: «Физиологические очерки на страницах журнала "Новый мир" 1960-х–1970-х гг.» излагает историю борьбы журнала «Новый мир» за возрождение отечественной социологии.

Стремительно развивающейся советской социологии была нужна публичная лекционная кафедра, агитационная трибуна, ристалище для общегражданской дискуссии, высококвалифицированный и благожелательный критик и рецензент. И наука об обществе вскоре обрела искомого партнёра, который смог на высоком уровне удовлетворить этим многообразным запросам социологов – общественно-литературный журнал «Новый мир».

Журнал от выпуска к выпуску, от одной сенсационной публикации к другой не просто «набирал очки» в постоянной борьбе, которую ведёт каждая редакция за читателя, за общественный авторитет и признание, но становился бесспорным лидером в среде «толстых» журналов, как сейчас принято говорить, *культовым изданием* советской интеллигенции демократической ориентации. «Журнал, “превышая свои полномочия”, стремился поднять уровень человеческих и общественных отношений,

литературно-эстетический уровень. Едва ли не каждая его книжка – весть о возможности и необходимости совершенствовать жизнь, уготованную нам»³³.

«"Новый мир", случалось называли на Западе "либеральным" журналом, - вспоминал позже заведующий отделом критики в 1962-1966 гг. В. Лакшин. – Мы возражали: не либеральный, а демократический. Демократизм в нашем понимании, несомненно, включал в себя уважение к свободе слова, но и внимание к народной боли, к заботам и беде людей, живущих в краях, далёких от столиц»³⁴.

Третий параграф. «Ренессанс физиологического очерка».

Для сравнения социологического очерка 60-х гг. XX в. с русскими «физиологиями» 40-х гг. XIX в. лучше всего подходит очерк Ю. Черниченко «Помощник-промысел» (№ 8, 1966).

Промысел, о котором повествует Ю. Черниченко, это трудовые занятия, близкие тем, которые описаны И.Т. Кокоревым (см. § 1.3). С той разницей, что для наших московских предков занятия эти составляли основу их трудовой деятельности и служили основным источником заработка, а для большинства колхозных героев Ю. Черниченко являлись побочным, дополнительным *приработком*, который, однако, решал серьёзные экономические проблемы и самих промысловиков и объединившего их мешёрского колхоза «Большевик», о чём и свидетельствуют (табл.1.) статистические данные трёх лет, которые приводит Ю. Черниченко.

Таблица 1

Данные о промысле в экономике колхоза «Большевик»

Экономические показатели	1962 г.	1963 г.	1964 г.
Денежные доходы колхоза (тыс. руб.), в том в числе в подсобных предприятиях	665,7 288,9	933,1 465,3	1022,1 702,7
Связано метел (тыс. шт.)	585	1099	1853
Выжжено древесного угля (т)	1147	1066	1853
Изготовлено черенков (тыс. шт.)	-	144	266
Затрачено человеко-дней в хозяйстве (тыс.), в том числе в подсобных предприятиях	146,1 16,6	141,8 18,8	148,6 34,2
Выработано человеко-дней одним колхозником	307	307	308

³³ Шрейдер Ю. Двойственность шестидесятых // Новый мир. 1992, № 5.

³⁴ Лакшин В. Пути журнальные (из литературной полемики 60-х годов). М., 1990. С. 13.

Как следует из таблицы, удельный вес промысла в доходах неуклонно рос. Промысел даёт занятость зимою полеводу, подтягивая его заработок до уровня животновода.

Характерной особенностью социальной публицистики 1960-х стало появление среди авторов физиологических очерков профессиональных социологов. Это привело к существенному усилению в текстах собственно социологической компоненты.

О чем свидетельствует опыт проведения исследований социологом В. Ольшанским, проработавшим *incognito* слесарем-монтажником на предприятии, где проводил обследование. В социологии такой метод называется «включённым наблюдением». «Этот вполне писательский приём позволил ему проиллюстрировать свои цифровые итоги самыми убедительными примерами»³⁵. Ответы на распространённую В. Ольшанским анкету приведены в табл. 2.

Таблица 2

Ответы на вопросы анкеты: «Что бы Вы купили на свободные деньги?»

№ п/п	Вид покупки на «свободные деньги»	% от опрошенных
1	Продукты питания и одежда	11,25
2	Квартира, обстановка, бытовые приборы	24,50
3	Книги, культтовары, музыкальные инструменты	12,25
4	Туристическая путевка (по СССР или за границу)	9,75
5	Автомобиль, мотоцикл, мотороллер	10,50
6	Подарок родственникам или друзьям	4,75
7	Возможность не работать	1,00
8	«Свободных денег» нет, и не предвидится	6,00
9	Прочие ответы	3,00
10	Не ответили	17,00
Итого:		100,00

Данные таблицы соответствовали не столько реалиям жизни в Советском Союзе промышленных рабочих, как отражали советский пропагандистский миф. По меньшей мере, два обстоятельства подвигли респондентов таким образом ответить на вопросы анкеты:

³⁵ Канторович Вл. Социология и литература // Новый мир. 1967, № 12. С. 161.

а) опасение сделать не то, чего хотят от тебя власти (в реальную анонимность опросов, выборных компаний и т.д. советские люди к тому времени не верили);

б) вполне объяснимое стремление, особенно у молодежи, представить свою жизнь в большей мере материально обеспеченной и интересной, чем она являлась на самом деле.

Имели также место искажения методики проводимых исследований в угоду требованиям и пожеланиям власти к учёным в нужной ей форме «скорректировать» итоговые выводы.

В заключении подводится итог исследованию взаимодействия отечественных социологии и социальной публицистики на стадии становления русской социологии и в период ренессанса физиологического очерка в 60-е – 70-е гг. минувшего века. Дан прогноз сближения этих феноменов в целях расширения и усовершенствования инструментария познания социальной реальности.

Русский физиологический очерк середины XIX века, развиваясь практически одновременно со схожим европейским социально-литературным явлением, исповедовал те же прогрессивные социальные идеи, которые взяли на вооружение первые социологические исследования, проведённые в Европе, Америке, а затем и в России на рубеже XIX-XX веков. Исторические, национальные и гносеологические особенности русского мировосприятия и культуры, по сравнению с европейскими аналогами, выражены в их литературоцентричности. Следствием этого стала литературная детерминированность русской социологии начального периода.

Ренессанс физиологического очерка в 60-е – 70-е гг. XX в. способствовал развитию процесса конвергенции между социологическими исследованиями и социальной публицистикой. Эта тенденция в маятниковом процессе конвергенции-дивергенции продолжается в настоящее время, что, в частности, находит отражение в попытках всё более частого использования в стилистике изложения результатов социологических исследований литературных тропов (метафор, сравнений и др.), в стремлении утвердить в «правах гражданства» наряду с традиционными формами социологических исследований *публицистическую* социологию.

**Основные положения диссертации отражены
в следующих публикациях автора**

В монографиях:

1. *Голубицкий Ю.А.* Социология и литературный процесс. *Физиологический очерк (1830-1840 гг.) как предтеча русских социологий.* РИЦ ИСПИ РАН – ВЕЧЕ. М.; 2010. 272 с. 17 п. л.
2. *Голубицкий Ю.А.* Литературный генезис русской социологии: роль физиологического очерка в становлении социологического знания РИЦ ИСПИ РАН –М.: Экономическое образование, 2011. 188 с. 12 п. л.

В изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ:

1. *Голубицкий Ю.А.* Физиологический очерк как предтеча социологических исследований // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 2. С. 298-307. 0,5 п. л.
2. *Голубицкий Ю.А.* Камо грядеши? или Гипертекст будущей гиперсоциологии // Социально-гуманитарные знания. 2009. № 3. С. 281-302. 1,4 п. л.
3. *Голубицкий Ю.А.* Мелкая промышленность, диковинки и статистика московская, или Как зарождался в столице малый бизнес (русский физиологический очерк 1830-1840-х годов) // Вопросы экономики. 2009. № 8. С. 123-129. 1 п. л.
4. *Голубицкий Ю.А.* «Оттепель» на страницах «Нового мира» А. Твардовского // ПОЛИС. 2010. №1. С. 150-159. 1 п. л.
5. *Голубицкий Ю.А.* Физиологический очерк и становление социологии // СОЦИС. 2010. № 3. С. 110-117. 1 п. л.
6. *Голубицкий Ю.А.* Социальная доминанта времени кардинальных трансформаций. (О некоторых аспектах социальной футурологии) // Политика и общество. 2011. № 2. С. 46-54. 1,4 п. л.

Статьи в различных изданиях:

1. *Голубицкий Ю.А.* Художественная метафора как пространство социокультурной аналитики // Культура и искусство. 2011. № 2. С. 43-51. 1 п. л.
2. *Голубицкий Ю.А.* Гносеологическое родство и взаимопроникновение способов научного и художественного отражения действительности в процессе конвергенции этих феноменов // Культура и искусство. 2011. № 5. С. 24-33. 1,4 п. л.
3. *Голубицкий Ю.А.* О, друг мой, учёный, излагай мысль грамотно! (К вопросу о лексико-стилистическом аспекте текстов современных гуманитарных исследований) // Филология. 2012. № 3 (7). С. 22-37. 2,3 п. л.

Голубицкий Юрий Александрович

**СОЦИАЛЬНАЯ ПУБЛИЦИСТИКА (ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЙ ОЧЕРК) В
ПРОЦЕССЕ СТАНОВЛЕНИЯ РУССКОЙ СОЦИОЛОГИИ**

Специальность 22.00.01 – теория,
методология и история социологии

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
кандидата социологических наук

Научный руководитель:
член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор
В.Н. Иванов

Изготовлено с оригинал-макета Голубицкого Ю.А.
Подписано в печать 21.04. 2015 г. Формат 60x84/16.
Тираж 100 экз. Объём 1,0 усл. п.л.

Отпечатано в типографии
ООО «Издательство «Экономическое образование»
117071, г. Москва, Донская ул., д.32. Тел./факс: (499) 922-47-70
www. eoizdat; e-mail: info@eoizdat.ru